



«В чужом счастье есть что-то  
занудное».

*О. Хаксли*

## Октябрь

1

Ближе к вечеру 15 октября 1907 года в «Эрмитаж»<sup>1</sup> было уже не попасть. Добродушный швейцар, интересный вкось растущими рыжими бакенбардами, хоть и склонялся в почти-тельном поклоне перед желающими отужинать по-французски, однако беспомощно разводил руками. Нет мест!

Разочарованные гурманы возвращались к ожидавшим лихачам и, отдавая распоряжения насчет «Савоя»<sup>2</sup> или «Праги»<sup>3</sup>, лишь наблюдали в освещенных окнах чужой праздник.

В небольшом зале, оформленном в стиле модерн, официанты, наряженные под русских мужиков, но в поддевках из тончайшего голландского полотна, подносили на серебряных

---

<sup>1</sup> Московский ресторан с французской кухней, расположенный на Трубной площади.

<sup>2</sup> Ресторан с русской кухней на Кузнецком Мосту.

<sup>3</sup> Ресторан с разнообразной кухней на Арбате.

блюдах заморские разносолы гостям именитого писателя, с купеческим размахом отмечающего сегодня свой юбилей.

Герой вечера, довольный удавшимся торжеством, был уже явно навеселе и иногда пытался схватить спящих подавальщиков за ноги. Присутствующие, разгоряченные не меньше хозяина, смеялись и шутили, только жена юбиляра строго смотрела за гостями, чтобы, не дай бог, не начали бить дорогую фарфоровую посуду, — и так столько денег утрово.

Не веселились лишь два господина за отдельным дальним столом. Иногда они, правда, взглядывали на компанию, но больше были поглощены собственным разговором. Один, несмотря на дорогую одежду, был немного мужиковат, особенно его простила окладистая борода и большие красные руки, отрицавшие нож и вилку. Изысканный салат «Оливье», приготовленный по рецепту самого Люсьена из рябчиков, раков и телячьего языка<sup>1</sup>, этот господин ел ложкой.

Звали его Сергей Васильевич Велесов.

Апраксин же Михаил Александрович, его ви-

---

<sup>1</sup> Люсьен Оливье — повар-француз. В 60-е годы XIX века изобрел салат, приготовление которого возобновлено в 1904 г. По рецептуре Л. Оливье в состав салата входили: 2 рябчика, телячий язык, четверть фунта паюсной икры, полфунта свежего салата, 25 штук отварных раков, полбанки пикулей (т.е. мелких маринованных овощей типа зеленого горошка, лука или огурцов), полбанки сои кабуль, 2 свежих огурца, четверть фунта каперсов, 5 яиц вкрутую.

зави, был вне всякой критики. Безупречный пробор, щегольские усики, тонкие запястья — все выдавало в нем натуру утонченную и аристократическую.

— Да, — говорил, улыбаясь и поводя своей крупной головой из стороны в сторону, Велесов, — задал ты мне шараду, Михал Саныч.

Апраксин, медленно отпивая из высокого бокала бургундское вино, был более сдержан:

— Неужели настолько озадачил, Сергей Васильевич?

Велесов расхохотался, отодвинул до конца съеденный салат, пустая тарелка из-под которого моментально исчезла на подносе стоявшего за спиной официанта, и сам налил себе крепчайшей водки-смирновки:

— Озадачил, брат, точно тебе скажу! Лелька — невеста! Это ж надо! — Он опрокинул стопку и по-мужицки уткнул нос в рукав. — Дочка-то мне все вот такой представляется, — Велесов показал рукой, какой именно, отмерив от пола полметра.

— Ольга Сергеевна — редкая красавица, — мечтательно произнес Апраксин и отставил бокал, погружаясь в приятные воспоминания, — когда я увидел ее в Большом, мне показалось, что это сама Лина Кавальери<sup>1</sup> облоко-

---

<sup>1</sup> Итальянская оперная певица, названная в десятые годы XX века «первой красавицей мира».

тилась на бархатные подушки соседнего со мной кресла. Изумительное сходство, Сергей Васильевич, с вашей дочерью.

Велесов удивился неожиданной романтичности собеседника:

— Так, может, и не Лелька моя тебя интересует? А, Михал Саныч, может, итальянка эта за душу взяла?

Апраксин промолчал, но по его лицу можно было определить, что сказанное Велесовым только что он в расчет не принимает.

Бесшумные официанты сервировали стол для десерта. Велесов с интересом рассматривал белую шапку, возвышавшуюся над миниатюрной кофейной чашечкой. Апраксин, снова взяв бокал бургундского, продолжил:

— Тем не менее ваш ответ, Сергей Васильевич: могу ли я надеяться просить руки Ольги Сергеевны?

Велесов отодвинул кофе. В рот не взять, словно вата какая-то. Не для него это баловство. Поболтав остатки смирновки в графинчике, чтобы перечный дух не оседал, вновь налил себе стопочку.

— Так не мне ж за тебя замуж идти! — улыбнулся он Апраксину, все-таки, как отцу, ему немного льстило, что его дочь, почти совсем еще девочка, произвела такое сильное впечатление на известного и уважаемого в Москве челове-

ка. — Ты б с невестой своей сначала познакомился.

Апраксин кивнул:

— Разумеется, но я бы хотел все же прежде заручиться вашим согласием.

Сергею Васильевичу понравилась серьезность жениха. обстоятельно подходит к вопросу, молодец! Ответил так:

— Ладно, парень, ты покуда остынь. Это не с бухты-барахты решается. Надо все обмозговать. Что меня касается, прямо скажу — жених ты завидный. Дело опять же у тебя — мебельная фабрика — моему сродни.

Апраксин приободрился, а то он уже начал ругать себя за этот поступок. Получилось же все абсолютно спонтанно. Да, он мечтал о юной красавице, а породниться с Велесовым вообще было бы замечательно, но все это было, как говорится, в проектах. А тут встретились на юбилее, сели рядом, деловых людей-то здесь, кроме них, и нет, вино опять же в голову ударило — и вот результат. Однако после реакции Велесова на его предложение Апраксину показалось, что он сделал все правильно.

— Ну вот видите, — поддержал Михаил Александрович предыдущую мысль Сергея Васильевича.

Велесов, однако, уже сменил благодушие на серьезный тон:

— Да ничего я не вижу, парень, в одну сторону только смотрю, а то отвернешься — вмиг ведь все разворуют, такое в сметах напортачат, сам черт не разберет! Так и проходит жизнь — счета, сметы, рядчики<sup>1</sup>, десятники<sup>2</sup>, налоги. Дочь выросла, а я и не заметил.

Апраксин понимающе покивал:

— А не боязно вам, Сергей Васильевич, в новое-то строительство ввязываться? Говорят, намучились с предыдущими домами?

Велесов попробовал и отодвинул апельсин, фаршированный ягодами.

— Намаялся, это верно, — ответил он, щедро посыпая кусок хлеба солью, — правильно болтают. Ну а как же по-другому? То, что легко дается, быстро уходит, а когда душу вкладываешь да жилы рвешь — это уж кровное, надолго прирастает.

Апраксин снова понимающе кивнул:

— Сыновья-то ваши помогают в деле? — поинтересовался он больше из любезности, предполагая услышать лаконичный положительный ответ.

Велесов махнул рукой:

— Да какой там, помогают! Хорошо хоть не мешают, деньги на ветер не швыряют!

Апраксин удивился:

---

<sup>1</sup> Посредники между нанимателем и артелью.

<sup>2</sup> Старшие над группой рабочих.

— То есть совсем их к делу не приобщаете?

— Да сам я еще крепкий, дюжу, а у мальцов нет покуда к семейному делу интереса. Леонид, хоть и выучился на правоведа, но все ветер в голове, а Павел, тот медицину изучать надумал. — Велесов чувствовал себя совершенно голодным: невозможно наесться в этих заморских трактирах, поэтому подозвал ряженого официанта, что-то пошептал ему на ухо и дал несколько сотенных, тот склонился в почтительном поклоне — будет исполнено незамедлительно.

— Да, время такое, что дети сами себе дороги выбирают. Может, это и хорошо? А, Сергей Васильевич? — Апраксин как раз был вполне доволен французской едой.

Велесов покачал головой:

— Дети за родителями как нитка за иголкой должны тянуться — такое мое разумение. Вот что образование получают — это хорошо. Хотя я вот, считай, четыре года в церковно-приходской школе<sup>1</sup> отучился, а больше и не понадобилось.

Апраксин, как и все в Москве, знал, что Велесов из бывших крепостных, дед его смог сам себя выкупить, отец — сколотить приличный

---

<sup>1</sup>Трехклассное образовательное учреждение, дающее религиозное воспитание. В нем можно было овладеть лишь элементарной грамотностью.

капитал, день и ночь занимаясь сначала извозом, а потом и доходными дешевыми квартирами. Сергей Васильевич же состояние в разы приумножил, перестроив в том числе несколько наследственных лачуг буквально во дворцы, стал уже купцом первой гильдии<sup>1</sup>, чем не мог не снискать уважения.

— Вы — талант, самородок! — воскликнул Михаил. — Это все признают. О ваших доходных домах слава какая идет! Сколько вы новшества напридумывали!

Велесов задумчиво покивал:

— Да ладно, не люблю я похвальбу-то пустую! Дров тоже наломал немало!

— Гос-с-с-пода! — К их столу приблизилась качающаяся фигура писателя. — Хочу за вас выпить, поблагодарить, что пришли к презираемой обществом богеме. — Слова юбиляру давались с трудом.

— Давай выпьем, Александр Иванович, за талант твой, — отозвался Велесов, поднялся и троекратно расцеловался с писателем. Затем юбиляр облобызал Апраксина и, расплескав водку на его безукоризненный фрак, так же, покачиваясь, удалился.

---

<sup>1</sup> В дореволюционной России один из разрядов, на которые делилось купечество в зависимости от имущественного положения (к первой гильдии принадлежали купцы с крупным капиталом, имеющие особые права).



— Много пьет Александр Иванович, — прокомментировал Апраксин, — говорят, страшные дебоши устраивает, а наутро ничего не помнит. Слышал, у Крынкина<sup>1</sup> в ярости попугая задушил, так несколько дам чувств лишились, врачебная помощь потребовалась.

— Да, брат, — задумчиво протянул Велесов, — талант, он не прост. Одно тебе богом дается, а другое отнимается.

Оба замолчали.

В зале бесшумно появилась целая шеренга официантов с полными подносами еды, они раскладывали в тарелки гостей куски жареных поросят, жирные расстегаи, много всего печеного, исконно русского. Присутствующие, предполагавшие, что ужин уже завершен, т.к. был подан десерт, воодушевились неожиданным продолжением. Снова пошли в ход вилки и ножи.

Не ела только жена юбиляра, а с ужасом смотрела на новые блюда. Да он знает, пьянчуга, сколько это стоит — годовых гонораров не хватит! Дама схватила официанта за рукав и о чем-то возбужденно с ним заговорила. Тот, пожав плечами, указал на дальний стол. Встревоженная, она с недоумением посмотрела на бордатого господина, с наслаждением жующего

---

<sup>1</sup> Московский ресторан на Воробьевых горах — с открытой террасой, откуда был прекрасный вид на город.

огромный румяный пирог. Узнав в нем Велесова, зазмеила тонкие губы. Опять мужик выставляется! Как же, в приличное общество благодаря своим деньгам попал. Отвернулась с негодованием.

Апраксин, откинувшись на спинку стула, курил черную египетскую папиросу:

— Сергей Васильевич, ну вы позволите быть у вас с визитом, скажем, через неделю? — спросил он. — Представьте меня Ольге Сергеевне.

Велесов улыбнулся в усы, он снова стал благодушен и наконец сыт:

— Ну давай, брат, попробуем. Если понравиться Лельке, я рад буду, честное слово!

Тем временем на небольшой эстраде рыжеволосая дама в ярко-зеленом платье томно выводила:

Есть минуты, что я не умею  
Скрыть безумия страсти своей..  
О, молю тебя — будь холоднее,  
И меня и себя пожалей!<sup>1</sup>

Вскоре ресторан опустел. Именитого юбиляра под руки вывели на улицу, за ним потянулись и его гости. Писательская жена отсчитывала чаевые, близко поднеся к лицу ридикюль с большой застежкой из дутого золота, а пахло из ридикюля японскими духами и старыми дежными купюрами.

---

<sup>1</sup> Романс на слова поэта А.А. Григорьева.

В столовой роскошной барской квартиры было светло и хорошо протоплено. Мария Андреевна Велесова стояла у окна и, вынимая из элегантного сундука серебряные приборы, тщательно осматривала ножи и вилки на свет. В целом осталась довольна. Вычищено все как следует, конфуза перед гостями не случится. Мария Андреевна мысленно пожелала хорошего здоровья Пелагее, нанятой как раз для ухода за деликатными предметами, в том числе и драгоценностями. Та отлично справлялась, поэтому и жалованье получала отменное, и хорошие подарки к каждому празднику. Вот что значит: не родись красивой, а родись трудолюбивой. Конопатая, с небольшим горбом, Пелагея действительно поражала своей непривлекательностью тех, кто видел ее впервые. Однако Мария Андреевна никогда не призналась бы, что идея выбирать некрасивую прислугу продиктована совершенно не их прекрасными способностями — то есть, конечно, ими тоже, но в гораздо меньшей степени. Перейдя сорокалетний возрастной рубеж, Мария Велесова стала замечать, что глаза ее Сергея Васильевича часто загораются при виде более молодых особ. Это было неприятно, поэтому приходилось как-то контролировать его мужские инстинкты, не искушать хотя бы дома. А потом

сыновья — и Леонид, и Павел — молодые и, что говорить, легкомысленные пока мальчишки, и в голову им может взбрести все, что угодно. Вон у Салтыхиных сын, прекрасный мальчик, тонкий, образованный, сбежал с горничной. И возвращаться не хочет. Единственный наследник отказался от денег ради юбки.

Мария Андреевна закрыла сундук на ключ и позвонила в колокольчик.

Через секунду шумно прибежала горничная Лели Дуняша, недавно поступившая на службу. Она была коротенькая, толстененькая, с большим мясистым носом.

— Дуняша, — чуть поморщилась Мария Андреевна, — ты ужасно топаешь, приучайся ходить бесшумно, а бегать вовсе не обязательно. Понимаю твоё рвение, молодец, но все-таки ходи. Ты узнала, что с пирогом?

Девушка торопливо кивнула:

— Двенадцать белков вбили, сахарную пудру, все как полагается, в холодильнике стоит, — зачастила она, — завтра, сказали, с утра выпекать начнут. Марь Андреевна, а правда, что ангелы только такие пироги едят?

Мария Андреевна удивилась бесцеремонности прислуги — вступать в диалог с хозяевами недопустимо, однако решила ответить:

— Думаю, вряд ли ангелы едят пироги.

Дуняше и этого показалось мало. Шмыгнув

своим картофельным носом, она поинтересовалась:

— А чего же он «Пищей ангела»<sup>1</sup> называется?

Мария Андреевна была обескуражена и все-таки, выдерживая тон, попыталась ответить глупой девушке на ее вопрос:

— Дуняша, не все следует воспринимать буквально. Возможно, пирог назвали так потому, что он похож на пищу, которую вкушают ангелы — такой он нежный, воздушный, белый. А вообще, запомни: вопросы задает хозяйка.

Дуняша густо покраснела, на глазах выступили слезы.

«Ну что ж, молодец, что поняла свою оплошность», — подумала про себя Мария Андреевна, а вслух спросила:

— Что с ужином?

Дуняша опять затарахтела:

— Рулет из фазана уже готовят и кулебяку пекут.

Велесова взглянула на украшенные бриллиантами часики фирмы «Ланжин» и ужаснулась бегу времени:

— Посмотри, чтобы сервировали все как следует в моем будуаре к восьми часам, пусть Прасковья Ивановна проверит. Будут только две дамы. Проследи, чтобы купили два букета

---

<sup>1</sup> Легкий, не содержащий жиров пирог на основе яичных белков и сахарной пудры.

совсем коротких белых роз, — указательными пальцами она показала примерную величину стеблей, — один с лиловым бантом, другой с желтым. Сможешь? Вот, — Велесова нашла на бархатной обивке нужные цвета, — лиловый, вот желтый.

Дуняша сосредоточенно наморщила лоб, пошевелила губами, так же пальцами повторила длину роз и кивнула.

— Все поняла.

Сделав распоряжение, Мария Андреевна вышла и с удовольствием оглядела свои владения, занимающие целый этаж.

Эту шестиэтажную махину с роскошными квартирами построил ее муж и сдавал в аренду за тысячу рублей в месяц каждую. Очень дорого, но для жильцов были созданы идеальные условия. Электричество, водопровод, канализация, удобные ватерклозеты, огромные ванны, отделанные розовым и черным мрамором, телефон. Лифт в сверкающей стеклянной оболочке. На лестницах нежные тропические растения в кадках, инкрустированных цветными поделочными камнями. Автомобиль к услугам тех, кто своим не обзавелся, бесплатная прачечная, полотеры. Двор, оформленный летом и весной как сад, осенью — как маленький романтический парк, зимой — как ледяной бал: фигуры из снега, облитые водой, застывшие в

позах полонеза, мазурки и вальса. Ледяной бал! Вся Москва съезжалась смотреть на такое великолепие. Конечно, квартиры, несмотря на цену, были сданы на несколько лет вперед. Молодец Сергей Васильевич! И ведь это не первый его дом, есть еще несколько, конечно, не таких дорогих, но тоже с прекрасным обслуживанием. Жильцы довольны. И все это благодаря заботам домовладельца. Другие как? Бросят дела на управляющих и пошли по ресторанам в ентовых шубах куролесить, а муж Марии Андреевны каждый день лично объезжает дома, сам смотрит, все ли в порядке с мостовой, нет ли перебоев с водой, исправна ли канализация. Сейчас вот затеял новую стройку. Хочет дом с недорогими квартирами построить — для студентов, вдов с детьми. Выгоды особой в этом нет, а помощь людям и Москве большая.

Мария Андреевна открыла дверь в свою спальню — большую комнату с эркером, в теплых персиковых тонах, душистую, уставленную редкими растениями, дорогими фарфоровыми безделушками и с белым туркменским ковром на полу. На стене, как раз напротив двери, — семейный портрет. Яркий, выполненный в модной манере мазками, не сразу поймешь, кто есть кто. Художник объяснил, что главное здесь — цветовая палитра. Преимущество зеленого говорит о спокойствии и благополучии в

их доме. Мария Андреевна, признаться, картинной была не очень довольна, но с суждениями популярного живописца по поводу своей семьи согласилась, потому и повесила дребедень.

Действительно, повезло ей с мужем.

Мария Андреевна, тогда Маруся, еще двадцать с лишним лет назад заметила во внуке крепостного мужика недюжинные способности.

Сама она была совсем другого происхождения, тоже, правда, далеко не особо благородного. Мать, Ольга Филипповна, — из обедневших дворян, а отец, Андрей Петрович, — внебрачный сын потомка древнейшего рода Мотовиловых. Потомка звали Петр Владимирович, и поначалу Мотовилов очень даже привечал приبلудного ребенка, даже дал ему свою усеченную фамилию — Овилов, на манер князя Трубецкого, чьи побочные дети именовались Бецкими. А потом как-то поостыл, тем более что часто жил за границей или на водах. Так что его внучка, Маруся Овилова, провела безрадостное детство, омраченное пустым ожиданием мифического мотовиловского наследства, и обрадовалась первой же возможности упорхнуть из родительского гнезда. Сергей Васильевич, тогда уже купец второй гильдии, имел некоторый капитал, но был слишком простым, как говорили все вокруг. Тем не менее Маруся



поверила в него, вступив в ужасный, по мнению родственников, мезальянс, но единственная оказалась права. С мужем они и по сей день живут душа в душу.

Сейчас, конечно, страсти улеглись. Родителей, царство им небесное, уже давно нет на свете. Младшая сестра Катя вышла замуж, как всем и хотелось, за дворянина, и уехала в Енисейскую губернию, там муж ее директор гимназии в Канске, брат Костя тоже женился, служит в управе железной дороги в Петербурге.

Мария Андреевна вздохнула. Встретиться с братом и сестрой, к сожалению, удается редко, в основном из писем друг о друге узнают. И плохо — ведь единственные родные на свете. Катя пишет, с дочками своими намучилась. Они у нее погодки. Старшей, Людмиле, как Леле, — восемнадцать исполнилось, а младшей, Танечке, — семнадцать. Так вот уже давно племянницы интересуются кавалерами. То Милочка в учителя влюбится, то Танечка записки через окно какому-то парикмахеру передает. В общем, глаз да глаз.

Хорошо, что ее Леля абсолютно другая, мужчины мало ее заботят. Конечно, о замужестве думать пора. Год, два, а там и в перестарки запишут, но все-таки лучше замуж идти с холдным сердцем и по совету родителей.

Мария Андреевна невольно заулыбалась.

Рассуждает сейчас так, как ее родственники много лет назад. Но она была бесприданница, а Леля стараниями Сергея Васильевича очень богатая невеста и имеет полное право долго выбирать мужа себе под стать. Тем более младшей дочери, Асе Велесовой, только десять лет, так что в затылок Леле еще долго дышать не будет.

Глаза Марии Андреевны слегка заблестели. Она очень переживала, хорошо ли Асе живется в институте среди незнакомых девочек. В этом году увезли ее туда первый раз. Теперь пишет письма, плачет, очень скучает по дому. Сердце болит после таких чтений. Сергею Васильевичу и показать страшно, скажет: немедленно забирай! А как заберешь, да и зачем? Семья семьей, а институт все-таки прекрасно девушек воспитывает. Опять же полезные знакомства среди девиц заведет, а у многих институток имеются братья. Сергею Васильевичу больших денег и связей стоило сначала Лелю там отучить, а потом и Асю пристроить, поскольку брали туда девочек только из дворянских семей. Леля, правда, гораздо спокойнее была и по дому так не скучала...

Мария Андреевна промокнула глаза невесомым платочком из старинного брюссельского кружева.

Вроде от одних родителей дети, а какие

разные. То же и с мальчиками. На Леонида по-смотришь — замкнутый, весь в себе, а Павлуша — простой, душа нараспашку.

Настроение у Марии Андреевны вконец омрачилось. Так бывало всегда, когда она задумывалась о детях и представляла, сколько хищников и хищниц притаилось в кустах их судеб.

### 3

Нина лежала на бархатном диване и рассматривала люстру. Ее завораживали хрустальные цветы, небрежным букетом свисающие с потолка. Иногда они звенели, предупреждая о сквозняке, несущем инфлюэнцу, и тогда становились еще более обворожительными — приходили в движение. Нижние развязно, а верхние робко начинали танцевать с воздухом. Это было забавно и в то же время грустно, как, впрочем, и все кратковременное и иллюзорное.

Нина вздохнула, повернулась на бок и снова предалась созерцанию. На стене, которая теперь завладела ее вниманием, в печальном недоумении застыли два шелковых павлина. Тот, что повыше, был в золотой короне, а второй — увит драгоценностями. Птиц окружали роскошные невиданные растения, освещали серебряные звезды, а несколько более мелких павлинов, почти незаметных, со сложенными

хвостами, склонились в покорных позах подданных, однако пернатые короли, для чьего удовольствия все это вытворялось, не выглядели счастливыми — их клювы уныло свисали. Нина глубоко вздохнула, сочувствуя павлинам, и снова задумалась о собственных невзгодах. Ей уже двадцать восемь лет. Возраст критический. Особенно для актрисы. Скоро, совсем скоро она не будет так молода и свежа. Ведь не всем удалось родиться Савиной, которая и в пятьдесят лет продолжает играть юных красоток.

Нина вздохнула еще глубже, в горле какой уже раз за день сформировался привычный комок из обид. Захотелось сейчас же увидеть Михаила и прокричать ему в лицо, что ей надоело ловить на себе сочувствующие взгляды, хочется нормальной семьи, а не этих пошлых встреч украдкой! Хочется девочку в бантиках и мальчика в матросском костюмчике! Мысль о двух пухлых карапузах так ее разжалобила, что она сползла с дивана на шершавый ковер, а потом и вообще легла на пол вниз лицом.

Тут же в передней громко зазвенел входной колокольчик. Он! Нина спешно поднялась с пола и метнулась к зеркалу. Лихорадочно пригладила растрепавшиеся волосы, ужаснулась заплаканным глазам, уронила пудреницу, розовое облако осело на юбку и застыло бесформенно-

ми разводами на сером шелке. Пробовала стереть, сделала только хуже. Зато слезы мгновенно высохли, а рот помимо воли заулыбался.

— Нина Григорьевна, — после короткого стука в комнату заглянула горничная Марфуша, — там к вам эта приехала. — Девушка скорчила уморительную рожицу и убежала, а Нина поняла, кто сейчас войдет, и перестала улыбаться. Не он.

— Это я! — послышался капризный голос. — Почему меня никто не встречает?

На пороге в театральной позе замерла юная дама в огромной шляпе. Она изящно опиралась о зонт и совсем не скрывала, что довольна собой.

— Что я вижу, — продолжила она еще более картинно, — ты никак рыдаешь? По какому поводу, позволь узнать?

— Здравствуй, Мара, видишь, платье запачкала, — Нине хотелось немедленно выгнать незваную гостью, но правила приличия ей этого не разрешали.

Тамара бросила шляпу и зонт на диван и приблизилась к подруге:

— Тебе давно пора выбросить это невыразительное тряпье, ты похожа в нем на сурка. Надевай нормальный туалет и едем, нас ждут у «Иваныча». Отличное место!

Она подошла к старинной качалке и с размаху плюхнулась на вышитую гладью подушку. Тамаре нравились резкие и неожиданные движения. Как следует раскачавшись, она негромко запела:

Ты едешь пьяная и очень бледная  
По темным улицам совсем одна,  
И смутно помнишь ты  
Ту скобку белую и штору синюю окна<sup>1</sup>.

— Нет, я не поеду, — Нина как могла сдерживала раздражение.

Тамара прекратила пение и остановила качалку.

— По негодяю будешь убиваться? — уточнила она.

Нина мысленно посчитала до десяти и обратно.

— Сожалею, что была откровенна с тобой. Я не думала, что ты вот так воспользуешься моей доверчивостью, — сказала и отошла подальше к окну, где на широком подоконнике жили подаренные Михаилом гиацинты.

Тамара выбралась из кресла и обиженно надела шляпу.

— Прошу тебя перестать оскорблять меня, — голос ее возмущенно завибрировал. — Извини, что задела твои больные струны. Как

---

<sup>1</sup> Популярный городской романс.

раз я благодарна тебе за доверие и хочу помочь. — Она подошла к трюмо и пристально оглядела себя с ног до головы, потом приблизила лицо к зеркалу, немного покусала губы, чтобы были поярче, и повернулась к Нине.

— Что молчишь?

— Наслаждаюсь твоей помощью. — От окна сильно дуло, и Нина почувствовала, что тело ее начинает вздрагивать. — Я возьму в спальне платок. — Она с облегчением вышла в соседнюю комнату, но все равно слышала:

— Уверена, он на тебе не женится, так что, пока есть время, оглядись вокруг и займись поиском!

Нина вышла из спальни, продолжая дрожать и под теплым платком, в который закуталась.

— Почему? — глухо спросила она, с ужасом предполагая, что Тамара знает что-то конкретное про Михаила и сейчас ей расскажет.

— Потому. Вы вместе уже год. Он богат, не женат. Что ему мешает? — стала перечислять Тамара.

Нина облегченно вздохнула. Слава богу, просто мысли вслух! Она даже нашла в себе силы улыбнуться.

— Ты прекрасно знаешь мою репутацию, эти дурацкие истории, которые в результате сплетен переросли невесть во что, поэтому он

вполне может опасаться толков, которые повредят карьере, — ответила она.

Тамара задохнулась от возмущения:

— И ты так спокойно об этом рассуждаешь?

— Можно подумать, если бы я рассуждала беспокойно, что-то изменилось бы? — усмехнулась Нина и перевела разговор на другое: — Расскажи лучше, что у тебя?

Тамара закатила искусно подведенные глаза.

— У меня, кажется, наклевывается новая интрига, — произнесла она нараспев. — Некто Бокалов. Не знаю, слышала ты или нет. Богач и кутила.

Тамара, не снимая шляпы, снова опустилась в качалку и оттолкнулась от пола ногой, обутой в серые остроносые туфли.

Нина стянула платок с плеч и накрыла им голову, ее по-прежнему знобило.

— Зачем тебе кутила? — спросила Нина, подкладывая себе под спину диванные подушки.

— Странно, что этот вопрос задаешь мне именно ты. — Тамара красиво закурила длинную тонкую папиросу, вставленную для контраста в грубый мужской мундштук.

— Извини, — закашлялась от дыма Нина.

Тамара помахала рукой, разгоняя дым, хотела было открыть форточку, но, заметив предостерегающий жест замерзшей подруги, пожала плечами и продолжила историю.



— Помнишь, неделю назад я получила такой роскошный букет? — Она показала его примерную величину и, видя, что Нина не может вспомнить, раздраженно увеличила описание: — Ну из ландышей, сирени и орхидей, необычный такой.

Нина покивала, сделав вид, что прекрасно представляет, о чем речь.

Тамара победоносно улыбнулась.

— Представь, внутри лежала еще маленькая коробочка, — она сделала многозначительную паузу, — а в ней хорошенький бриллиантик. — Тамара с удовольствием продемонстрировала драгоценный камень, который с готовностью посылал сверкающие лучи при каждом повороте.

Нина мысленно перевела его размер на караты, получилось четыре.

Она покивала.

Тамара прекрасно поняла подтекст «повезло тебе» и, наконец докурив сигарету и небрежно воткнув ее остатки в мокрую землю красавца-рододендрона, грациозно потянулась:

— Теперь скажи, могла я отказаться?

Нина посмотрела на согнувшихся под тяжестью драгоценностей павлинов с несчастными глазами.

— Думаю, нет, — ответила она, имея в виду совсем другое.